

но с учениями о бессмертии души и загробном существовании. Все многообразие представлений о мире и человеческой деятельности, выступавших в форме верований, мифов, обрядов, традиций, исчезает, остается только эта весьма важная, но далеко не исчерпывающая сторона идеологии различных классов римской империи. В этом, несомненно, проявляются упадочность и пессимизм, свойственные современной буржуазной культуре.

Все изложенное показывает, что история древнего Рима в том извращенном виде, в каком она излагается современными буржуазными учеными, служит целям пропаганды буржуазной, империалистической идеологии. Появление многочисленных популярных работ по римской истории лишний раз показывает, какое значение ей отводится в этом плане. Достоинство внимания, что авторы ряда опубликованных в американском журнале «Classical Journal» статей о значении изучения древней истории, в частности, истории Рима, со всей откровенностью признают, что она должна удерживать молодежь от увлечения материализмом, стремления к прогрессу, восприимчивости к «новым доктринам» и т. п.¹⁴.

В связи с этим советским историкам следует обратить внимание на те проблемы, которые, как указывалось выше, особенно интенсивно используются для пропаганды реакционных теорий.

Первоочередной задачей является создание серьезной, основанной на исчерпывающем изучении и использовании источников монографии по истории римского рабства. Отсутствие такой работы, написанной достаточно эрудированными историками-марксистами, облегчает противникам марксизма нападки на труды марксистских историков и искажение учения о рабовладельческой социально-экономической формации.

Во-вторых, следует активно продолжать уже ведущуюся в течение ряда лет нашими антикварами работу по изучению отдельных римских провинций. Только такое углубленное изучение даст возможность ответить на вопрос о том, какова была роль римского господства в различных частях римского мира, какие причины обуславливали успех или неудачу римской агрессии, какова была классовая структура той или иной провинции и как повлияло римское завоевание на отдельные классы и социальные группы, и т. п.

Наконец, весьма важно уделить значительно больше внимания, чем это делалось до сих пор, изучению истории культуры Рима и римских провинций; показать ее развитие в органической связи с эволюцией социально-экономического базиса; исследовать, каковы были представления и чаяния широких масс, рабов и свободных, как формы их идеологии были связаны с формами классовой борьбы, и т. п. В этом направлении в советской науке пока сделано недопустимо мало, и пробел этот должен быть заполнен совместными усилиями историков, филологов-классиков и археологов.

Е. М. Штаерман

О. В. КУДРЯВЦЕВ, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории, Изд-во АН СССР, М., 1957, 376 стр. + указатели, тир. 2000 экз., цена 15 р. 40 коп.

Рецензируемая работа покойного О. В. Кудрявцева посвящена исследованию больших проблем древней истории: вопросу о появлении и расселении славянских племен, истории чрезвычайно важных для Римской империи дунайских провинций, общим методологическим вопросам древней истории. Книга О. В. Кудрявцева представляет поэтому большой интерес как для историка античности, так и для слависта. Большую часть работы занимает круг вопросов, связанных с историей племени

¹⁴ См. особенно статьи Н. Н. Chamberlin, *Classica and chaos*, «Classical Journal», № 6, 1945, стр. 321—330; Е. С. Taylor, *The classics in hostile world*, «Classical Journal», № 1, 1944, стр. 4—9.

костобоков, которые неоднократно привлекали внимание О. В. Кудрявцева¹, и тем самым с историей славян (стр. 11—145). Далее идет исследование отдельных вопросов истории провинций балканско-дунайского комплекса (стр. 145—255). Прилагаемые автором к этому разделу экскурсы источниковедческого характера многое меняют в наших обычных и ставших традиционными представлениях относительно времени правления Коммода и Септимия Севера. Наконец, небезынтересны и статьи о периодизации рабовладельческого общества и кризисе полиса. О. В. Кудрявцев исследует далее общие закономерности в развитии римских провинций.

Известно, сколь важным в науке является вопрос о начале славянских племен и установлении областей их первоначального обитания. Известно также, какой критике и нападкам подверглось в свое время мнение Л. Нидерле, впервые в науке твердо заявившего о том, что славяне издавна жили по соседству с Римской империей, в областях к северу от Карпатских гор. Для обоснования этого положения большое значение имел вопрос об этнической принадлежности костобоков, племени, обитавшего наиболее близко к северо-восточным границам империи и вместе с тем к тем областям, в которых римские историки I в. н. э. помещали славян. Хотя Л. Нидерле также считал костобоков славянами и хотя уже в начале XX в. сторонники теорий славянского и фракийского происхождения костобоков были в большинстве, однако сам факт наличия по вопросу о происхождении костобоков четырех исключающих одна другую теорий свидетельствовал о том, что вопрос этот еще далеко не решен. В этом отношении исследование О. В. Кудрявцева дает теперь несомненные аргументы в пользу славянского происхождения костобоков, и всякий, занимающийся исследованием об этом племени, будет обязан считаться с его выводами.

Свое исследование об этнической принадлежности и расселении племени костобоков О. В. Кудрявцев начинает с рассмотрения аргументов своих научных противников. Подвергнув сначала тщательной проверке аргументы сарматской теории, автор доказывает, что костобоки и котобахи Плиния (NH, VI, 19), которых он помещает на берегах Танаиса и Меотиды, т. е. в Азиатской Сарматии, и в которых сторонники сарматской теории видят закарпатских костобоков, отнюдь не одно и то же племя. Произведенная современными исследователями конъектура является совершенно произвольной. Свидетельство Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 42), помещающего костобоков во Внутренней, т. е. в Европейской Сарматии, где-то к востоку от Борисфена (Днепра), также не может служить аргументом в пользу сарматского происхождения костобоков: на территории Сарматии, как справедливо подмечает О. В. Кудрявцев, могли жить и несарматские племена (стр. 17). К тому же Аммиан совершенно четко отделяет костобоков от упоминаемых вместе с ними аланов и скифов.

Наконец, О. В. Кудрявцев доказывает, что наиболее важный аргумент этой теории — опубликованная в 1895 г. надпись элевсинского гиерофанта от времени Марка Аврелия, сообщающая о «беззаконном деянии савроматов», сопоставляемых с разрушившимися элевсинский храм костобокими, — также не убедителен, поскольку архаическое «савроматы» могло быть употреблено в надписи согласно литературным вкусам того времени.

Не выдерживают детального анализа и данные кельтской теории. То, что у Птолемея при перечислении племен, населяющих Дакию, костобоки названы рядом с кельтскими племенами анартов и теврисков, вовсе еще не свидетельствует, как совершенно правильно замечает О. В. Кудрявцев, о кельтском происхождении костобоков. По тем же причинам не признает О. В. Кудрявцев сколько-нибудь убедительным и второй аргумент кельтской теории аналогичного характера. Хотя у Капитолина (SHA, vita Marci, 22,1) костобоки названы рядом с бастарнами и певкинами, которых наиболее известный представитель кельтской теории Р. А. Рейнак считает кельтами, однако, как указывает О. В. Кудрявцев, между бастарнами и певкинами, с одной стороны, и

¹ О. В. Кудрявцев, Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской империи, ВДИ, 1950, № 3, стр. 92—100; о н же, Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., 1954, стр. 245—271.

костобочками, с другой, у Капитолина названы еще аланы, племя сарматское. К тому же кельтское происхождение бастарнов вовсе не является общепринятым в науке и в свою очередь также требует доказательств (стр. 20—21). Далее автор отмечает, что сопоставление имени костобочков с именем кельтского племени трибоков, к которому прибегает кельтская теория, является легковесным аргументом. И, наконец, самым серьезным возражением против кельтской теории является отнюдь не кельтский характер личных имен костобочков. Далее О. В. Кудрявцев доказывает, насколько искусственной и эклектичной является так называемая алародийская теория Н. Жупанича (стр. 21—24).

Наиболее убедительно аргументированная фракийская теория, число сторонников которой увеличивается и по сей день², также подвергнута О. В. Кудрявцевым тщательному анализу. Прежде всего автор доказывает, что двойная локализация Птолемеем костобочков — в пределах римской Дакии и за ее северо-восточными границами — объясняется наличием двух совершенно самостоятельных костобочских племен, одно из которых обитало к северу, а другое к югу от Карпат (стр. 29—38). Тем не менее оба костобочских племени локализируются одно в непосредственной близости от другого. Затем О. В. Кудрявцев доказывает, что костобочи и трансмонтаны Птолемеевой Сарматии (Geogr. III, 5, 9) одно и то же племя костобочков-трансмонтанов, живших у восточного края Карпат на внешней стороне Карпатской дуги, т. е. за Карпатскими горами, отсюда и их название трансмонтаны (стр. 32). Те же костобочи, которых Птолемей знает для Дакии (Geogr., III, 8, 3), представляют собой одно из костобочских племен, переселившихся в северо-восточную Дакию еще до траяновых войн. Вторжение в Балканские провинции в правление Марка Аврелия совершило северное костобочское племя, т. е. костобочи-трансмонтаны. Далее О. В. Кудрявцев отмечает, что с костобочками имели, возможно, общее происхождение и сабоки. На это указывает их территориальная близость и само их имя (Εαβόχοι и Κостоβόχοι — стр. 33). Сабоки должны быть локализованы по северному склону Карпат к западу от костобочков-трансмонтанов у истоков реки Сана.

Доказав, что костобочи и сабоки обитали в областях к северу от Карпат, О. В. Кудрявцев тем самым дает неоспоримое подтверждение свидетельствам таких древних авторов, как Тацит, согласно которым именно эти закарпатские области уже для I—II вв. н. э. определялись как области обитания славян, основное ядро которых в то время выступало под именем венедов. «Таким образом, — заключает О. В. Кудрявцев, — данные о местах обитания сабоков и костобочков не могут служить аргументом против их славянского происхождения. Напротив, в процессе завоевания северных склонов Карпат бастарнами отдельные славянские племена могли отколоться от основного ядра и застрять в северных отрогах Карпат» (стр. 37).

Поскольку ни костобочи ни сабоки не выявлены археологически, то археология, как считал О. В. Кудрявцев, не может помочь выяснению их этнической принадлежности. Прямых свидетельств действительно ни археология, ни нумизматика нам не дают. Но косвенные данные, которые можно извлечь из рассмотрения чеканки монет восточными кельтами (к которым О. В. Кудрявцев не обратился, видимо, потому, что они связаны преимущественно с кельтами, хотя и дунайскими), могли, на мой взгляд, быть использованы. Мне представляется, что эти данные монет, если и не свидетельствуют в пользу славянского происхождения костобочков, то не доказывают и их кельтское происхождение, а скорее даже отрицают его. К такому заключению позволяют прийти данные, приводимые Карлом Пинком относительно чеканки монет у восточных кельтов и их соседей³ за период от начала II в. до н. э. до начала I в. н. э. Во всей этой чеканке совершенно четко прослеживаются два влияния: западное, галльское, шедшее к дунайским кельтам и другим придунайским племенам через Норик и от бойев, и восточное,

² N. G o s t a r, Ramura Nordică a Dacilor — costobocii, ¹ «Buletinul universităților V. Babeș și Rolyai», Seria Științelor sociale, Cluj, т. 1—2, 1956, стр. 183—198.

³ K. P i n k, Die Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn, «Dissertationes Pannonicae», стр. II, № 15, Budapest, 1939.

т. е. банатское, исходившее из тех областей Баната, где позднее находился центр державы дако-гетов Биребисты. Как неоднократно отмечает К. Пинк, чем далее мы отправляемся на восток, т. е. в области римской Дакии, тем сильнее заметно дако-фракийское влияние и тем слабее выступает кельтский характер, хотя ранние типы монет и являются чисто кельтскими (стр. 125—126). Однако последнее обстоятельство нас не должно удивлять, если мы вспомним, что все Подунавье вплоть до областей Молдавии оказалось в III—II вв. до н. э. под властью келтов. Поэтому, как совершенно справедливо замечает К. Пинк, кельтское влияние может объясняться также и кельтским происхождением господствующего слоя попавших под власть келтов некельтских племен (ук. соч., стр. 132). Что же касается областей, занятых боярами и чеканки regnum Noricum, то кельтский тип монет здесь преобладает (стр. 70—71, стр. 126—131). Это общее наблюдение К. Пинка может быть конкретизировано применительно к нашей задаче.

Если даже локализовать костобоков в тех областях, которые отвел им Киперт, то и в этом случае их кельтское происхождение оказывается под сомнением. Обильная чеканка из прикарпатских областей, т. е. из северных областей позднейшей римской Дакии, отмечена как западным (т. е. галльским) влиянием, так и южным (т. е. банатским). Хотя на монетах из этих областей (особенно с северо-запада Дакии) кельтское влияние отчетливо прослеживается (что могло быть вызвано также и тем, что эта область могла находиться во владении келтов — Пинк, ук. соч., стр. 85), однако стиль этих монет свидетельствует скорее о некельтском характере народа, их чеканившего (там же, стр. 131). Отдельные монеты этой группы находят также в южной Польше. Обращает на себя внимание в этой связи и другое наблюдение К. Пинка. Оказывается, что среди восточных келтов и их соседей имелся какой-то другой дакийский или кельтский народ, который как будто совсем мало и чисто случайно принимал участие в восточнокельтской чеканке⁴. Помещает Пинк этот народ неизвестного происхождения в южной Польше, т. е. в тех областях, в непосредственной близости к которым, как показал О. В. Кудрявцев, расселились костобоки. Я не решаюсь отнести к костобокам какой-то определенный монетный тип, поскольку и сам Пинк, специально занимающийся вопросами чеканки придунайских племен, не определяет ни область расселения костобоков, ни их чеканку и следует здесь за Кипертом и Голем. Однако для нашей задачи важно заметить то, что характер чеканки из областей, в которых локализует костобоков Киперт, находится в некотором противоречии с заключением об их кельтском происхождении. Если же от области этой чеканки мы двинемся далее на восток, к пределам северо-восточной Дакии и далее к восточной оконечности Карпатской дуги, т. е. туда, где действительно обитали костобоки, то здесь мы встречаемся с совершенно иной чеканкой, хотя и крайне незначительной, которая допускает предположение, что эти монеты возможно связывать с костобокими. Несомненно, такое предположение требует дополнительных доказательств, однако, учитывая, что место находки монеты, так же как и ее стиль, являются подчас единственным свидетельством для определения области расселения племени и его этнической принадлежности, это предположение имеет известные основания.

Самым сильным и убедительным аргументом в пользу славянского происхождения костобоков являются их личные имена. Подвергнув эти имена тщательному лингвистическому анализу, О. В. Кудрявцев показывает, что само название костобоков состоит из двух самостоятельных частей — «косто» и «боки» (стр. 43), которые нужно рассматривать отдельно. О. В. Кудрявцев приводит многочисленные примеры географических названий в славянских землях, начинающихся на «кост» или «косто». Вторая же половина имени костобоков, вообще не поддающаяся истолкованию из фракийских языков (что признают и сами сторонники фракийской теории), истолковывается лишь из славянских языков: в областях к северу от Карпат, на границах Белоруссии, Украины и Польши окончание «боки» широко распространено (стр. 47 прим. 100).

⁴ К. P i n k, ук. соч. стр. 132.

Анализ личных собственных костобокских имен, которые нам сохранили надписи — Пиепор, Натопор и личных имен костобокской династии дакийского происхождения — Зиаис, Тиат, Сабитуй, Тарскана, проведенный О. В. Кудрявцевым с привлечением ранних славянских письменных памятников, указывает на совершенно очевидную близость их к славянским именам (стр. 67).

Однако не все аргументы О. В. Кудрявцева в пользу славянского происхождения костобоксов представляются достаточными.

Так, наблюдение сторонников кельтского происхождения костобоксов относительно сходства названий костобоксов и кельтского племени трибоков—Τριβοχοι (в названии обоих этих племен обнаруживается общее окончание—βοχοι)⁵ признается О. В. Кудрявцевым чисто внешним и не могущим приниматься во внимание (стр. 21). Но сам автор прибегает точно к такой же аргументации, сопоставляя имена костобоксов и сабоков, хотя большинство рукописей, как это отмечает О. В. Кудрявцев (стр. 48, прим. 101), дают написание не Σαβοχοι, а Σαββοχοι или даже Σαββαχοι, точно так же как встречается и написание Κιστοβοχοι. Далее, анализ личных костобокских имен приводит О. В. Кудрявцева к мысли о том, что и костобокский царь Пиепор и внук его жены, Натопор, носили имена, могущие быть выведенными как из славянских, так и из фракийских языков (стр. 56—63). Имя же другого внука Зиаис — Дрильгиса (или Дригиса) вообще фракийского происхождения⁶.

Но если два собственно костобокских имени — Пиепор и Натопор — могут быть истолкованы как из славянских, так и из фракийских языков, а третье имя — Дрильгиса оказывается определенно дако-фракийским, то тем самым ослабевает один из самых существенных аргументов в пользу славянского происхождения костобоксов — их личные имена.

О. В. Кудрявцев склонен был считать (стр. 20, прим. 11), что упоминаемые Птолемеем для племен Дакии анарты представляют собой собирательное понятие для кельтов северной Венгрии и Румынии. Но, во-первых, Птолемей упоминает для Дакии также и другое кельтское племя — теврисков, отличая тем самым одно племя от другого. Во-вторых, сведения Птолемея о расселении анартов на севере Дакии, если, как он пишет, начать с Запада (Geogr., III, 8, 3), подтверждаются эпиграфическим памятником из северо-западной области провинции от времени Максимиана (237 г.)⁷, что заставляет нас отнестись с доверием и к его сообщению о теврисках. Но тогда оказывается, что для северо-западной Дакии известны, по крайней мере, уже два кельтских племена, и почему одно из них, анарты, должно рассматриваться как собирательное понятие для всех других кельтских племен, остается неизвестным. Существует также мнение (Ева Боиш и др.), что анарты были иллирийским племенем, ушедшим в северо-западные области Семиградья (Дакии) под нажимом бойев, переселившихся, как известно, в 80-е гг. I в. до н. э. из областей современной Чехии в северо-западные области Венгрии. Выселиться скорее всего могла только часть племени анартов, и в этом случае возможно пребывание их как в областях Северной Венгрии, так и на севере Румынии. Но тогда следует признать иллирийский характер племени анартов.

Не являясь специалистом по истории славян и в области славянской филологии, я воздерживаюсь от суждения относительно соответствующих частей работы О. В. Кудрявцева. Вместе с тем на исследовании О. В. Кудрявцева о Deus Dobrates, примыкающем к теме о костобоках, я останавлиюсь подробнее. Следует прежде всего отметить большой интерес отдельных небольших исследований О. В. Кудрявцева к данной теме. Широкая осведомленность автора в рассматриваемом им вопросе, выходящая

⁵ Правда, Τριβοχοι пишется через ο, а костобоки — через ω, однако на этот момент не обращает соответствующего внимания и сам О. В. Кудрявцев, когда он проводит сопоставление имени костобоксов и сабоков.

⁶ Ср. Ion I. R u s s u, Onomasticon Daciae, AISG, т. IV, 1944, стр. 220, № 17.

⁷ Римский милевой столб дороги Напока-Поролисс называет vicus Anartorum (CIL, III, 8060), т. е. село анартов на расстоянии 16 римских миль к северу от Апула.

далеко за пределы собственно античной тематики, делает эти исследования ценными не только для специалиста-античника, но и для лингвиста, для занимающегося древней историей СССР и для слависта вообще. В этом отношении замечательна статья о Deus Dobrates (стр. 103—112). Исследованием этого памятника на Западе, как известно, неоднократно занимался Иозеф Гампель⁸, который относил его к фракийскому населению Интерцизы⁹. Имя божества — Dobrates Гампель выводил сначала из названия города в Дакии — Drobeta, а затем из названия фракийского племени Δρόβρες в южной Фракии, считая, что Deus Dobrates был божеством этого племени. Теперь О. В. Кудрявцев предлагает объяснять имя бога — Dobrates из славянских языков, и это предположение представляется весьма убедительным. О. В. Кудрявцев доказывает, что первая половина имени бога представляет прилагательное «добр», вторая — постпозитивное указательное местоимение «тот», многочисленные параллели чему имеются в ранних славянских списках евангелиев. Само посвящение датируется О. В. Кудрявцевым II—III вв. н. э.

Установление славянского характера имени божества позволяет О. В. Кудрявцеву поставить чрезвычайно важный вопрос о поселении славян в Паннии уже во II—III вв. н. э. в качестве колонов, рабов или солдат римских вспомогательных частей. В данном примере латинский язык посвящения, так же как и местная одежда всадника на рельефе, обычная для местных жителей римской Паннии, сбруя лошади, указывают на то, что поставивший посвящение уже длительное время жил в пределах провинции.

Уже Л. Нидерле отмечал, что те superiores barbari, под нажимом которых двинулись к дунайским границам различные варварские племена, начав Маркоманнскую войну, включали в себя и славян. Если мы признали костобоков славянами, а костобоки также участвовали в мощном наступлении варваров на империю при императоре Марке, то вполне возможно, что в числе поселенных Марком Аврелием в пределах Дакии и Паннии варваров могли находиться и славянские элементы. В этом случае вполне объяснимо наличие славянского памятника в Интерцизе на востоке Нижней Паннии. Известно, например, что в районе Бригетия на противоположном берегу Дуная было поселено Каракаллой какое-то дакийское племя или племя, в этническом отношении близкое дакам и пользовавшееся дакийским языком, для переговоров с которым римляне держали военного переводчика: *interpres* (вместо *interpretes*) *Dacorum*¹⁰.

Мы не можем сказать, как это отмечает исследовавший эту надпись Л. Баркоци (ук. соч., стр. 189), ни как долго оставались здесь даки, ни как много их было поселено, хотя, несомненно, они не были малочисленны, если для сношения с ними римляне пользовались специальным переводчиком. Поселение их произошло скорее всего в тот период правления Каракаллы, когда, отправляясь на восток против Парфии, он, как сообщает SHA Vita Caracall., 5, 3 и Dio Cass., LXXVI, 27, 5, взял заложников у так называемых свободных даков. Если далее иметь в виду, что в 212 г. был прорван северный дакийский вал, восстановление которого происходило под личным наблюдением самого императора, то вторжение в провинцию совершила, очевидно, пограничная с Дакией северная группа племен. Эти свободные даки или какой-то другой говорящий подакийский народ мог быть переселен сюда, почти что в Паннию, под надзор легиона I Adiutrix только из северных областей Дакии и вероятнее всего из северо-восточных,

⁸ «Archaeologiai Értesítő», 1903, стр. 317, изобр. 12; 1906, стр. 240; 1912, стр. 330—332; Ann. Ép., 1904, стр. 443. О. В. Кудрявцев не останавливается на точке зрения Гампеля.

⁹ Посвящение Deo Dobrati сделано рабом Евтиком и происходит из римской крепости Интерцизы в Нижней Паннии. Памятник представляет собой рельеф, изображающий всадника, под ногами которого лежит обнаженная фигура, перед всадником стоит фимиатерион, что указывает на божественную сущность всадника. Под рельефом начертана надпись с посвящением.

¹⁰ L. Barkóczy, Ein Dakischer Dolmetscher in Brigetio, AÉ, T. V—VI, 1944—1945, стр. 186, 190.

в непосредственной близости к которым как раз обитали костобоки, поскольку у северо-западных границ Дакии обитали вандалы-астинги (Dio Cass., LXXI, 12, 1), племя германское, которое вряд ли могло пользоваться дакийским языком. Вполне возможно допустить, что среди поселенных даков могли быть и славяне. Дакийский язык в этом случае не может являться препятствием, так как известно, что костобокская династия была дакийского происхождения.

Но если в конце II — начале III в. на территорию империи попадают скорее всего лишь отдельные славяне в качестве военнопленных или рабов, то после событий кризиса III в. продвижение славян к Дунаю становится, видимо, более активным и массовым. Присутствие Диоклетиана в течение нескольких лет в южной Паннонии, в Сирмии, на нижнем течении Савы (где позднее источники твердо фиксируют славян), а также предпринятое им здесь строительство оборонительных сооружений, совершенно справедливо связывается в современной венгерской исторической науке с изменением направления варварских атак и с появлением какого-то другого народа и прежде всего карпов, поскольку направление атак готов к этому времени изменилось¹¹. Поселение императором Галерием и еще ранее Диоклетианом на юге Паннонии карпов¹² указывает, однако, не только на то, что карпы в это время сменили готов, но также и на то, что карпы оказались изгнанными со своих старых мест обитания в Карпатах каким-то другим народом и вследствие этого двинулись к границам империи. По-видимому, и действия Диоклетиана, и действия Галерия следует связывать также и с продвижением славян к Дунаю уже в это время. В противном случае остается совершенно непонятным их «внезапное» появление в V в. на нижнем Дунае и в бассейне реки Савы. Поэтому был совершенно прав Л. Нидерле, когда он отмечал, что движение славян к Дунаю началось задолго до V в. н. э. и что уже с начала III в. они начали заселять Большую Венгерскую низменность¹³. То, что источники III—IV вв. не называют славян, не должно особенно удивлять, если и в середине V в., когда славяне стали уже достаточно известными, они часто выступают под общим и старым именем скифов, как то имело место ранее для готов и других племен в войнах III в. н. э.

Чрезвычайная этническая пестрота населения Интерцисы после кризиса III в., засвидетельствованная раскопками некрополя лагеря и лагерного поселения, когда отчетливо прослеживается как германский элемент, так и сарматский, не исключает того, что в числе сармат могли находиться и славяне. Доказательство О. В. Кудрявцевым славянского происхождения имени Добрат дает в этом отношении один из основных аргументов.

Вторая часть работы О. В. Кудрявцева, посвященная отдельным вопросам истории дунайских провинций, представляет не меньший интерес, чем исследование о костобоках. Этот раздел содержит ряд интересных мыслей и наблюдений относительно характера дунайских провинций, особенностей их развития и значения для империи. К сожалению, этот раздел, отдельные части которого, очевидно, были задуманы автором как некое общее введение к намеченному им дальнейшему исследованию отдельных провинций (см. биографический очерк, составленный редколлегией, стр. 5), носит несколько конспективный характер.

О. В. Кудрявцев совершенно правильно отмечает, что одной из причин, обусловивших особенности экономики и характера римского влияния в этих областях, явилось сравнительно позднее включение дунайских провинций в состав империи. Важность дунайских провинций для империи обуславливалась их огромными хозяйственными и людскими ресурсами. Несмотря на то общее, что объединяло балканско-дунайские провинции в единый комплекс, имелись, как показывает автор, существенные отличия между различными областями. Так, в Норике имело место большее

¹¹ L. B a r k ó c z i, Die Grundzüge der Geschichte von Intercisa, «Intercisa», т. II, Budapest, 1956, стр. 531—532.

¹² A m m. M a r c., XXVIII, 1, 5; A u r. Vict., De Caes., 39, 43; E u t., IX, 25; I o r d., Get., 16, 91; Rom., 299.

¹³ Л. Н и д е р л е, Славянские древности, М., 1956, стр. 50 — 56.

развитие городской жизни (стр. 162, 200, 209), чем в Далмации и Паннонии, где долго удерживались племенные округа с местным, неримским населением. Но даже для Норика, ранее всех дунайских областей испытывавшего римское влияние, мне представляется возможным отметить, что и здесь оно оказалось не в состоянии уничтожить, как и в менее романизированных провинциях, прежние особенности в материальной и духовной жизни. В Вируне, главном городе провинции, получившем статус колонии уже от Клавдия, надписи II—III вв. называют местные кельтские имена даже для богатых граждан¹⁴, что заставляет предполагать еще большую распространенность этого явления среди сельских слоев населения.

Совершенно справедливым является мнение О. В. Кудрявцева об отличавшей дунайские провинции военной колонизации: значительную группу населения римских городов составляли бывшие военные (стр. 156—157). После Маркоманнской войны характер колонизации меняется: имеет место поселение варваров на землях, опустошенных войной. Можно добавить, что еще в большей мере этот процесс был характерен для периода после кризиса III в., когда, как показывают новейшие раскопки, происходит чуть ли не полная смена населения в этих провинциях, особенно в пограничных областях. Этнические изменения влекли за собой перемены в хозяйственном укладе и в области духовной жизни, поэтому О. В. Кудрявцев совершенно прав, когда он отмечает, что, поскольку в некоторых из дунайских провинций процесс романизации еще в III в. был далек от своего завершения, то событиями кризиса III в. результаты романизации на Среднем и Нижнем Дунае едва ли не были уничтожены полностью (стр. 150—151).

Пограничное положение дунайских провинций обуславливало их важность для обороны империи, поэтому весьма существенным О. В. Кудрявцев считает установление числа стоявших здесь легионов и историю некоторых из них, распределение легионов по провинциям, мероприятия императоров по укреплению дунайской границы и т. п. (стр. 162—176). Автор убедительно показывает, как возрастала важность дунайской границы на протяжении I—II вв., как на этом северном рубеже империи имела место все увеличивающаяся активность племен Европы, пока, наконец, империя не оказалась вынужденной сократить под напором варварских народов протяженность границы на самом опасном ее участке, в Дакии, отдав провинцию поселившимся в ней готам, карпам, вандалам и другим племенам. О. В. Кудрявцев прав, когда он отмечает, что в правление Августа, «между Виндониссой в Верхней Германии и Карнунтом в Верхней Паннонии легионов не было, поскольку этот участок границы считался в то время наиболее безопасным» (стр. 163) и что «вообще оборона дунайской границы при Юлиях—Клавдиях была организована недостаточно хорошо и последующим императорам пришлось провести целый ряд мероприятий для улучшения создавшегося положения» (стр. 164—165). Действительно, Реция и Норик получили легионы после событий Маркоманнской войны, но в данном случае можно принять во внимание также и то, что римская власть в этих областях была, по-видимому, в это время еще относительно слабой. Провинциальный режим в Реции и Норике был введен только Клавдием, хотя ретийско-винделикские племена и *regnum Noricum* были покорены римлянами в результате походов Тиберия и Друза в 16—14 гг. до н. э. После установления провинциального режима в Норике в официальных документах долго употреблялось его прежнее название *regnum Noricum* (*procurator regni Norici—CIL, VI, 1599*). Следует иметь также в виду, что военная защита Реции возлагалась на войска Верхней Германии, а стоявший в Паннонии в Петовионе римский легион обеспечивал защиту Норика со стороны восточных границ.

О. В. Кудрявцев справедливо отмечает, что «дунайские легионы составили главное ядро армии, сражавшейся за Веспасиана в Италии» (стр. 175), хотя для всего периода гражданской войны 68—69 гг. следует отметить непостоянную, колеблющуюся позицию иллирийского войска. Реция и войска провинции сначала встали на сторону Ви-

¹⁴ См. напр., Herma Thaler, Die Bevölkerung von Virunum, «Carinthia», т. 140, 1950, Heft 1—3, стр. 145—149.

теллия (Тас., Hist., I, 70; III, 5), Норик, Паннония и Мезия держали сторону Отона и перешли на сторону Веспасиана после жесткой расправы Вителлия (после битвы при Бедриаке) с солдатами и центурионами иллирийских легионов за то, что они держали сначала сторону Отона (Тас., Hist., II, 60). В этот ранний период империи дунайское войско, выдвигая или поддерживая нового императора, как мне кажется, еще не преследовало своих собственных целей.

Большой интерес представляют примечания и экскурсы О. В. Кудрявцева к разделу о дунайских легионах, являющиеся по сути дела тщательными историко-ведческими исследованиями. В этом отношении замечателен экскурс о заговоре и падении Перенна, могущественного префекта претория при Коммодe (стр. 230—245). Как известно, сведения источников о заговоре Перенна крайне немногочисленны и противоречивы. Проверив и сопоставив свидетельства Кассия Диона, Геродиана и SHA, О. В. Кудрявцев доказывает, что самым достоверным является сообщение Геродиана; версия Кассия Диона искажена и достоверна лишь в отдельных частностях; свидетельство SHA также не может быть оставлено без внимания.

О. В. Кудрявцев правильно указывает, что согласно тогдашнему словоупотреблению под Иллириком понималась Паннония, следовательно в сообщении Геродиана речь может идти о сыновьях Перенна, являвшихся *legati Augusti pro praetore* Верхней и Нижней Паннонии (стр. 231). Вместе с тем О. В. Кудрявцев не допускает возможности того, что один из сыновей Перенна (скорее всего, вообще один сын. — Ю. К.) мог быть наместником Нижней Паннонии (стр. 232). Но против этого соображения О. В. Кудрявцева свидетельствует приводимое им же самим сообщение SHA, *vita Com. .*, 6,1, дающее возможность предполагать участие сына Перенна в успешных военных действиях против сарматов. Это свидетельство О. В. Кудрявцев комментирует как доказательство того, что сын Перенна действительно был легатом иллирийского войска, но участвовал в *res in Sarmatia* «во всяком случае, номинально» (стр. 232). Действительно, мы не можем с уверенностью сказать, что сын Перенна в самом деле отличился в Сарматской войне, однако, если он — лицо историческое, то одержать победу над сарматами он мог скорее в качестве легата Нижней, чем Верхней Паннонии, поскольку действия сарматов угрожали прежде всего Нижней Паннонии и направлялись против них всегда с ее территории. К тому же из Нижней Паннонии, из столицы-провинции Аквинка, происходит посвящение... *Aug(usto) ceterisque Dis huiusce loci*, поставленное *leg. Aug(usti) pr.pr.* (CIL, III, 3417)¹⁵. Имя легата совершенно счищено в надписи, т. е. он подвергся *damnatio memoriae*, и поскольку надпись датируется II в., то возможно, что этим легатом, память которого была предана забвению, мог быть сын Перенна. Возможность такого предположения не исключал также и Е. Риттерлинг, когда он поместил этого безымянного легата в число наместников Нижней Паннонии¹⁶.

Другой аргумент О. В. Кудрявцева против наместничества сына Перенна в Нижней Паннонии сводится к тому, что в борьбе за императорскую власть «одна Нижняя Паннония с ее двумя легионами вряд ли могла противостоять войскам всей остальной империи» (стр. 234). Действительно, с войсками одной Нижней Паннонии вряд ли можно было отваживаться на захват императорской власти, тем более (автор упускает

¹⁵ Та надпись из Паннонии, в которой стерто имя легата и которую Боргези пытался связать с известием Геродиана, полагая, что в ней был упомянут сын Перенна (CIL, III, 3385=ILS, I, 395), действительно, как это отмечает О. В. Кудрявцев, к заговору Перенна не имеет никакого отношения, но не совсем по тем причинам, которые приводит О. В. Кудрявцев (стр. 234). Эта надпись Боргези имеет точную параллель, в которой совершенно отчетливо стоит имя легата. Им является Луций Корнелий Феликс Плотин, наместник Нижней Паннонии в 185 г., который упоминается также в ряде других надписей из провинции. См. E. Ritterling, *Die Legati pro praetore von Pannonia Inferior*, AÉ т. XLI (1927), стр. 291

¹⁶ Ritterling, ук. соч., стр. 292—293, № XIX A.

это из виду), что Нижняя Паннония имела в это время еще не два легиона, а только один — II Adiutrix в Аквинке. В Верхней же Паннонии стояли три легиона: XIV Gemina в Карнунте, X Gemina в Виндобоне и I Adiutrix в Бригее; последний вместе с легионом был отнесен Каракаллой в 215 г. к Нижней Паннонии, и только с этого времени в Нижней Паннонии стояло два легиона¹⁷.

По-видимому, именно в силу этого обстоятельства Перенн и добивался у Коммоды, как сообщает Геродиан, вручения своему сыну командования над иллирийским войском, понимая, что с одним легионом Нижней Паннонии сделать было ничего нельзя, в то время как три легиона Верхней Паннонии могли уже потягаться за императорский трон. Поэтому О. В. Кудрявцев, как мне представляется, не должен был исключать возможность того, что сын Перенна мог быть легатом Нижней Паннонии, а следовательно, и возможность привлечения к литературным свидетельствам о заговоре Перенна и эпиграфического материала, хотя и предположительно связываемого с заговором. Исторические выводы О. В. Кудрявцева из анализа источников совершенно правомерны: заговор Перенна действительно имел место; основная роль в намечавшемся захвате Перенном императорской власти отводилась паннонскому войску. Заговор Перенна представлял собой первую попытку привлечь дунайские легионы для разрешения политических событий внутри империи (стр. 192, 193, 245).

Статьи по общим проблемам древней истории представляют интерес в том отношении, что в них О. В. Кудрявцев на основе марксистско-ленинской методологии пытается определить основные этапы развития древнего мира, его закономерности и специфику. Достоинством предлагаемой автором периодизации является то, что она дает синхронное изложение истории древнего мира, за которое постоянно ратовал О. В. Кудрявцев и которое нашло отражение в I—II томах «Всемирной истории» АН СССР. В предложенную периодизацию рабовладельческого общества О. В. Кудрявцев включает не только общие социально-экономические явления древнего мира, но и его основные культурные и исторические события с учетом хронологических и географических рамок. Эта периодизация свидетельствует о большой исследовательской работе автора и его громадной эрудиции. Однако она страдает известным схематизмом: при объяснении причин возвышения одних и падения других государств древности О. В. Кудрявцев часто указывает в первом случае на наличие свободного крестьянства, во втором — на его упадок и численное сокращение. Этот тезис, в общем верный, прилагается, однако, к столь различным обществам древнего мира, что становится своего рода магической формулой.

В упрек редакции следует отметить помещение неоконченной (скорее едва начатой) статьи о Боспорских Археанактидах, а также обилие обширных, переходящих со страницы на страницу примечаний, так что они нередко затрудняют чтение. При таком прерывающемся сносками изложении основная мысль автора постоянно дробится, и читатель, вследствие его неоднократных отсылок к многочисленному петиту, вынужден с напряжением следить за ее развитием. Мне представляется, что количество примечаний должно было быть сведено к минимуму или дано совершенно отдельно после основного текста.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что рецензируемый том трудов О. В. Кудрявцева, отличающийся глубоким и точным анализом источников, постановкой и исследованием важных вопросов древней истории, огромной эрудицией, является большим вкладом в советскую историческую науку о древности. Тем больше приходится сожалеть о той утрате, которую понесла наша историческая наука в лице О. В. Кудрявцева.

Ю. К. Колосовская

¹⁷ E. R i t t e r l i n g, Legio, RE, т. XII, стб. 1393, 1320; A. G r a f, Übersicht der antiken Geographie von Pannonien, «Dissertationes Pannonicae», сер. 1, № 5, Budapest, 1936, стр. 40, 41.